

Чжун Гуаньбай не наносил макияж, но его глаза и брови выглядели ещё более выразительными, чем обычно. Эти дни, проведённые вдаль от дома, смыли с него одну за другой роскошные, но кишасшие блохами одежды, оставив только его самого. Эта сущность была подобна красоте, дарованной природой человеку, и не отличалась от величественных гор, чистого неба и сияющей луны.

Хэ Иньсюй вежливо здоровался с представителями СМИ и старшими коллегами, а Чжун Гуаньбай ничего не сказал, лишь медленно поднял взгляд на второй этаж театра.

Лу Цзаоцю, Вэнь Юэань и Цзи Вэньтай сидели в первой ложе, вторая ложа по-прежнему оставалась пустой.

Взгляды Лу Цзаоцю и Чжун Гуаньбая встретились, и Лу слегка кивнул. Цзи Вэньтай что-то говорил Вэнь Юэаню, но тот, словно в трансе, смотрел на сцену.

Чжун Гуаньбай последовал взгляду Вэнь Юэаня и увидел, как Хэ Иньсюй, сидя на фортепианном табурете, собирал волосы.

Внезапно Вэнь Юэань повернулся и посмотрел на дверь ложи. Хотя дверь была закрыта, а пол театра покрыт толстым ковром, и даже если бы кто-то проходил по коридору, в ложе не было бы слышно ни звука. Но Вэнь Юэань долго смотрел на дверь, словно знал, что за ней кто-то проходит.

Вскоре Чжун Гуаньбай увидел мужчину, появившегося во второй ложе. Он сидел на ближайшем к ограждению месте, одетый, как на официальный классический концерт, в чёрный костюм, с галстуком цвета ночного неба и в белых перчатках.

— Учитель Чжун, можем начинать? — спросил Хэ Иньсюй.

Чжун Гуаньбай жестом дал понять, чтобы Хэ Иньсюй начал первым.

Хэ Иньсюй поклонился залу, затем Чжун Гуаньбаю и только потом уверенно поднял запястье.

Он играл без нот, и его техника была намного совершеннее, чем на первом сольном концерте.

В зале кто-то шепотом спросил:

— Что это за мелодия? Я раньше не слышал.

Вэнь Юэань, не отрывая взгляда от Хэ Иньсюя, беззвучно произнёс:

— «Ода осеннему ветру»... Шифу, ты тоже выбрал «Оду осеннему ветру».

Хэ Иньюй исполнял сольную версию «Оды осеннему ветру», переработанную, с добавлением множества украшений и завершающуюся длинной каденцией. Неизвестно, было ли это импровизацией или заранее написанной партитурой, но вся композиция звучала более насыщенно и трогательно, чем обычная сольная версия. Его выражение и техника были превосходны, но в ней чувствовалась странная отстранённость, что в этот день середины осени добавляло ещё больше меланхолии.

Когда аплодисменты в зале стихли, Чжун Гуаньбай встал и глубоко поклонился в правую сторону второго этажа театра.

Если бы в жизни Чжун Гуаньбая был только один бокал для тоста, он не стал бы пить за своих соперников, зрителей или слушателей и уж тем более за представителей СМИ. Он пил бы только за саму музыку.

А направление его поклона было туда, где сидел человек, являвшийся частью его музыки.

Закончив поклон, он, не обращая внимания на остальных, сел на фортепианный табурет, и его пальцы, словно осенний ветер, коснулись клавиш.

Та же главная мелодия, что и в исполнении Хэ Иньюя, но звучала так, будто играли два фортепиано, заставляя зрителей в зале едва не встать, чтобы рассмотреть руки Чжун Гуаньбая.

Каждая нота звучала чисто и ясно, словно струящиеся жемчужины, но вместе они создавали мощный поток, как будто можно было увидеть юношу, стоящего под луной и размахивающего кистью на осеннем ветру.

Мужчина во второй ложе медленно встал и сделал шаг вперёд, белые перчатки крепко сжимали край ограждения. Его взгляд, подобно ливню, обрушился сверху на Чжун Гуаньбая.

Чжун Гуаньбай перевернул страницу нот и поднял голову. В тот момент, когда их взгляды встретились, он вдруг замер, и его пальцы сами собой начали импровизировать, изменяя мелодию. Звучание стало широким и печальным.

Чжун Гуаньбай вдруг понял, почему Лу Цзаоцю сказал, что Хэ Иньюй похож на него. На самом деле тот взгляд Хэ Иньюя был не похож на него, Хэ Иньюй был похож на мужчину, стоящего сейчас в ложе. А он сам был похож на этого мужчину.

Вэнь Юэань наблюдал за его взрослением, учил его играть на фортепиано более десяти лет. Окружающие удивлялись, что Чжун Гуаньбай не похож на Вэнь Юэаня — ни в поведении, ни в манере игры. Раньше он думал, что похож на Цзи Вэньтая или своих многочисленных друзей. Теперь он понял, что это не так. Всё это было лишь формой, оболочкой, но не сутью.

Пальцы скользили по клавишам, импровизация идеально сочеталась с оригинальной мелодией. Он даже понимал музыку Хэ Юйлоу, понимал состояние души того юноши много лет назад.

Он был похож на Хэ Юйлоу.

Чжун Гуаньбай наконец понял, что слова Вэнь Юэаня «он победит» относились не к Хэ Иньсюю.

Победит Хэ Юйлоу.

Чжун Гуаньбай вспомнил тот вечер, когда Вэнь Юэань играл «Легенду о любви». Он услышал, как Вэнь Юэань сказал: «Человек живёт только ради одного дела. Даже если предать весь мир, без безумия не будет жизни».

Но в этой войне, длившейся десятилетия, Вэнь Юэань всё же не смог позволить проиграть тому мужчине, который был отделён от него стеной и большей частью жизни.

«Ода осеннему ветру» продолжалась, звук за звуком возвращая всех в ту лунную ночь.

Чжун Гуаньбай тоже вспомнил тетрадь, которую дал ему Вэнь Юэань. Это были мемуары, похожие на дневник, но на самом деле написанные уже в зрелом возрасте. Сколько там правды, сколько вымысла, были ли упущения или забытые детали — никто не знал.

В записях Вэнь Юэаня был южный город, в котором стоял небольшой дом с двориком перед ним.

В тот день середины осени лунный свет падал на ручей в саду, рядом с которым стоял небольшой столик из бамбука и дерева, на нём — шахматная доска и маленький фонарь.

Юноша в зелёном халате сидел за столиком, только что проиграв партию своему старшему сопернику в чёрном халате. Сжав губы, он с холодным выражением лица взял чёрную фигуру из шахматной коробки.

Юноша в чёрном остановил его руку:

— Хватит.

— Почему хватит? — спросил юноша в зелёном.

Юноша в чёрном провёл рукой по воздуху, и в его ладони появился сливовый леденец:

— Иди заниматься на фортепиано.

Глаза юноши в зелёном слегка загорелись, он протянул руку, чтобы взять леденец, но юноша в чёрном перевернул ладонь, и леденец исчез, как будто его и не было.

— После занятий, — с улыбкой сказал юноша в чёрном.

Юноша в зелёном убрал руку и сам повернул инвалидную коляску, направляясь в дом, смотря вперёд и слегка подняв подбородок, не обращая внимания на других. Его обманывали этим трюком бесчисленное количество раз, но каждый раз, когда рука протягивалась, он всё равно поддавался.

— Юйлоу, ты опять кого-то обижаешь? — Женщина в простом длинном платье и вязаной кофте стояла у двери, держа в руках два пальто одинакового фасона, но разных размеров. — Быстрее вези Юэаня внутрь, чего ты там стоишь?

Её голос был мягким, как и её лицо с овальными чертами, тонкими бровями и глазами, похожими на полумесяц, когда она улыбалась.

— Мама, я не обижал, спроси у Юэаня, — сказал Хэ Юйлоу, подойдя к коляске и наклонив голову к щеке Вэнь Юэаня, притворно моргая. — Я тебя обижал?

Вэнь Юэань посмотрел на Хэ Юйлоу.

— Нет.

Уголки губ Хэ Юйлоу медленно поднялись.

Хэ Юйлоу любил улыбаться.

Вэнь Юэань много лет спустя помнил, что его шифу любил улыбаться.

Хэ Юйлоу унаследовал лучшие черты отца Хэ Шэньпина и матери Гу Цзяпэй, каждая черта его лица была идеальной, как будто он был тем самым красивым юношей с картин, изображающих юг Китая, с яркими губами, белыми зубами и глазами, похожими на цветы персика. Но каждый раз, когда он улыбался, это было либо чтобы поддразнить девушек, либо чтобы замыслить что-то недоброе, без отцовской сдержанности и материнской нежности.

— Чему ты улыбаешься? — Гу Цзяпэй прищурилась на Хэ Юйлоу, накинула маленькое пальто на Вэнь Юэаня и протянула большое Хэ Юйлоу. — Быстрее заходи, я приготовила лунные пряники.

Лунные пряники были дорогим угощением. Пару лет назад на праздник ещё можно было купить полкило по талонам, но сейчас их уже нигде не найти.

В семье было пять человек, и на столе лежало ровно пять пряников, на каждом из которых был выгравирован разный узор или иероглиф, но на вкус все они были одинаковыми: мука, яйца и сахар, без начинки.

Семья Хэ была зажиточной. Хэ Шэньпин был заместителем директора консерватории, а Гу Цзяпэй — заведующей кафедрой фортепиано. Только перед праздником середины осени в консерватории выдали талоны, и они смогли приготовить несколько пряников.

— Может, поедим в саду? — Гу Цзяпэй, идя, обернулась. — Вся семья вместе полюбуется луной, хотя уже немного прохладно.

— Как скажете, учитель Гу.

— побыстрее, — из комнаты раздался голос красивой девушки с волнистыми волосами, собранными на затылке. Её черты были яркими и выразительными, и она была похожа на Хэ Юйлоу на пятьдесят процентов, но не любила улыбаться. Когда Хэ Юйлоу улыбался, их сходство уменьшалось до минимума.

<http://bllate.org/book/15543/1382929>